

Кадырбаев А. Ш. (ИВ РАН, Москва)

ОСМАНЫ И ИСЛАМИЗАЦИЯ НАРОДОВ АФРИКИ К ЮГУ ОТ САХАРЫ. XIV-XIX ВЕКА

Аннотация: Статья посвящена анализу исторического периода исламизации африканских народов после падения империи черкесских мамлюков в Египте и Сирии, где большинство стран на африканском и аравийском побережье Средиземного и Красного морей признали власть Османской империи, также под ее покровительство перешли священные для мусульман Мекка, Медина и Иерусалим.

Ключевые слова: ислам, страны Магриба, Османская империя

The Ottomans and the Islamization of the peoples of Sub-Saharan Africa. 14-19th century

Abstract: this article is devoted to the analysis of the historical period of the Islamization of African peoples after the fall of the empire of Circassian Mamluk in Egypt and Syria, where most countries on the African and Arabian coasts of the Mediterranean and Red Seas recognized the power of the Ottoman Empire, the sacred Muslims Mecca, Medina and Jerusalem.

Keywords: Islam, Maghreb, Ottoman Empire

К 1552 г. арабские страны Магриба - Северной Африки, кроме Марокко и Туниса, вошли в состав Османской империи

или, по крайней мере, признали ее верховный сюзеренитет, вплоть до Западной Сахары и берегов Атлантического океана на западе и до земель современного Судана на юге, откуда османы в 1572-1589 гг. вели под знаменем ислама войны с негусами - императорами Эфиопии. Эфиопские хроники впервые упоминают о турках-османах в 1518 г., когда они лишь время от времени совершали набеги на Эфиопию. В 1520-е гг. христианская Эфиопия была захвачена имамом Ахмадом Граном – правителем соседнего мусульманского государства Адал и негус обратился за помощью к португальцам, тогда господствовавшими в Индийском океане. С их помощью эфиопы разгромили Адал в 1543 г. после 15 лет войны [1, с. 188-189]. Но на смену государству Адал пришли османы. В 1556 г. 30-тысячная османская армия, сформированная в Египте, во главе с Оздемиром-пашой двинулась вверх по Нилу для завоевания Судана и африканского побережья Красного моря. «Судан», по-арабски - «страна черных», в эту эпоху представлял регион, включавший в свой состав не только территории современного Судана, но и земли от верхнего течения Нила на востоке до Атлантики на западе. Через год османы овладели

землями, где ныне современный Судан, на севере которого ранее существовавшее исламское государство Нубия, было в начале XVI в. захвачено народом фундж, основавшим государство со столицей в городе Сеннар, чей правитель в 1523 г. под влиянием османов принял ислам [там же]. Эфиопия или Абиссиния, поддерживаемая португальцами [2, с. 12], смогла отстоять свою независимость, но часть земель, прилегающих к африканскому побережью Красного моря утратила, на которых к XVI в. образовались вассальные от Османской империи мусульманские султанаты Хадья, Ифат и Дауро [3, с. 153-155].

В османскую эпоху усилилась исламизация населения Эфиопии и, вследствие этого, 50% населения этой страны и поныне являются мусульманами. Известно о мусульманах-эфиопах или абиссинцах на службе османам. В 1539 г. османский падишах послал в султанат Аче, на далеком острове Суматра Малайско-Индонезийского Архипелага, своего подданного абиссинца, ставшего там во главе пешего войска ачехского султана и погибшего в сражениях с португальцами и их союзниками. Всего в войсках Аче тогда сражалось 600 турок, 200 абиссинцев и выходцев из Малабара на побережье Индии,

Ислам в странах Азии и Африки

причем, турки и абиссинцы были подданными Османской империи. Были абиссинцы среди 500 османских воинов, служивших султанам Аче и попавших в 1561 г. в плен к португальцам, когда последние перехватили 50-пушечный корабль Аче с золотом и драгоценностями на сумму 200 тысяч крузедос, предназначенными султану османов за военную помощь Аче, и османскими подданными, возвращавшимися с Северной Суматры после боев с португальцами [4, с. 118].

Османы способствовали распространению ислама в странах «Черной» Африки к югу от Сахары, где он появляется еще в эпоху арабских завоеваний. Например, если в Кению ислам впервые проникает в ее прибрежные районы в VII-VIII вв., то к XVIII-XIX вв. он уже распространен во внутренних районах этой страны. С XI до XVII вв. ислам распространяется на территории современных Чада, Нигера, Нигерии, где ныне более половины населения мусульмане, Мали (ныне 75% населения мусульмане) и Центрально-Африканской республики, где последних -10%. В Гвинею, Гамбию и Сенегал ислам начал проникать в XV-XVI вв., когда османы присоединили к своим владениям пограничные с ними страны Магриба,

а к XVIII-XIX вв. на территории Гвинеи 70% населения уже были мусульманами, а в Сенегале и Гамбии – 90%. К XV-XVI вв. относится проникновение ислама из североафриканских владений Османской империи, а также из Нигерии и Чада, в Камерун, исламизация центральных районов современного Судана и земель нынешней Буркина Фасо, 25 % населения которой мусульмане. К XVII в. относится широкая и полная исламизация Сомали [5, с. 146-155].

Еще в 1324 г. Канку Муса, правитель тогдашнего государства Мали, в состав которого входили города Дженне и Тимбукту, совершил хадж – паломничество в Мекку, распространив о себе славу далеко за пределы «Черной» Африки. По данным хроники «Тарих-ал-Фатташ», написанной впоследствии в Тимбукту, в свите Канку Мусы было 80 тысяч человек. И не было на пути такого города, где правитель Мали, останавливаясь на пятничную молитву, не заложил бы мечеть. Поскольку малийский царь знал, что путешествие удовольствие дорогое, он взял с собой соответствующую дорожную казну – несколько тонн золота. В связи с этим, следует отметить, что до начала XVI в., когда золото стало поступать в Европу с Амери-

канского континента из испанских и португальских колоний, одним из главных его источников для Европы были копи Западного «Судана». Мусульманские купцы Магриба, доставляя через Сахару караванными путями на юг соль, уже в VIII-IX вв. достигли реки Нигер, куда встречные караваны привозили добытое в южных районах золото. В этих местах возникли города Дженне и Тимбукту, ставшие, по сути, торговыми центрами мирового значения. В XII-XIV вв. «суданское» золото в большом количестве попадает в Испанию и итальянские торговые республики Геную и Венецию, откуда идет дальше – в Германию и страны Восточной Европы. Немалую заинтересованность в «суданском» золоте выказывал папа римский. Именно итальянцы первыми получили в свои руки ценнейший источник информации о «Стране золота», как европейцы тогда называли земли, где ныне расположена республика Мали. Это было «Описание Африки», составленное ученым и путешественником – уроженцем мусульманской Испании – Гранады, Львом Африканским, принявшим крещение из рук папы Льва X Медичи. Сейчас трудно представить, что 600-700 лет назад мировой финансовый пульс бился не в Европе, а в Западной Африке,

и что без транссахарской торговли средневековая Европа вряд ли бы вступила в историческую эпоху, именуемую Новым временем. Историки, приверженцы «Школы анналов», установили главную особенность товаро-денежных отношений Средневековья – хронический дефицит торгового баланса между странами европейского Средиземноморья и Востока. В обмен на получаемые из Индии, Китая и Египта товары, страны Западной и Южной Европы могли предложить только золото и серебро, истощая собственные запасы драгоценных металлов. Поэтому значение золота, добываемого в копиях Западного «Судана», было весьма значимо в международной торговле до начала XVI в.

Вот что рассказывает Лев Африканский о Дженне в связи с вышесказанным: «(Это королевство) изобилует ячменем, рисом, скотом, рыбой и хлопком. И жители получают большую выгоду от торговли теми хлопчатými тканями, которую они ведут с берберийскими купцами. Последние же, взамен продают множество европейских тканей, медных изделий, латуни, оружия и тому подобного. Деньги этих черных – нечekanное золото и куски железа, на которые они покупают предметы небольшой ценности, как хлеб, мо-

локо, мед, весом в один фунт, в половину и четверть фунта. Жители одеваются довольно хорошо; их одеяние из черной хлопковой ткани или голубой, которой они покрывают голову. Но священники и ученые употребляют белую ткань...» Более восторженно и подробно описывает Лев Африканский Тимбукту: «Жители города очень богаты, особенно чужестранцы, которые здесь поселились... Имеется величайшее изобилие зерна и скота, поэтому жители потребляют много молока и мяса; однако очень не хватает соли, так как она доставляется из Тегаззы, отстоящей от Томбутто (Тимбукту) примерно на пятьсот миль... Королю принадлежит большое богатство в пиастрах и золотых слитках, один из которых весит тысяча триста фунтов. В этом городе есть много судей, ученых и священников. Все они получают от короля хорошее жалование. Король весьма почитает людей ученых. В городе продаются также многие рукописные книги, которые привозят из Берберии, и они дают больше дохода, нежели остальные товары».

Такое повествование могло поразить воображение даже выдавших роскошь Сирии и Египта венецианских купцов. Впрочем, именно египтяне, еще за сотню лет до Льва Африканского, имели

возможность непосредственно убедиться в сказочных богатствах «Страны золота», о чем говорилось выше, в связи с хаджем Канку Мусы, по пути посетившего Каир, ставшего важнейшим местом остановки малийского царя, и именно оттуда распространились по всему миру рассказы о богатстве Канку Мусы. Через несколько месяцев пребывания малийского царского каравана в Каире, курс золота резко упал – так много драгоценного металла выбросил на рынок Канку Муса. На обратном пути малийского царя сопровождали исламские богословы, ученые – знатоки мусульманского права - шариата, среди которых был уроженец Гранады из Испании архитектор Абу Исхак ас-Сахели. Находясь на службе у Канку Мусы, он построил в Тимбукту, который стал важнейшим центром изучения ислама, мечети Джингаребер и Санкоре, пережившие все превратности времени и сохранившиеся до наших дней. В разное время в Тимбукту совместно проживали принявшие ислам берберские народы – «воины пустыни» туареги, арабские купцы, представители негритянских народов - сонинке, мадинго, фула. Расовая и языковая пестрота населения, а также наличие торгового капитала, способствовали превращению

Тимбукту в религиозный исламский центр, где законы шариата стали едиными для всех нормами справедливости.

К XVI в. расцвета достигло африканское государство Борну, расположенное северо-восточнее территории современной Нигерии, около озера Чад. Борну тогда считалось четвертым по значению государством исламского мира, правитель которого Али Хаджи, царствовавший с 1476 по 1507 гг., в 1484 г. совершил хадж в Мекку за несколько десятилетий до того, как на нее распространилась власть Османской империи. Али Хаджи разделил Борну на провинции и пожаловал в вознаграждение за службу земли своим приближенным. Преобладающая часть населения Борну занималась оседлым земледелием. В случае войны, владельцы земель должны были являться ко двору правителя с воинами из числа мужчин, живущих и работающих на их земле. Али Хаджи построил новую столицу Газаргамо на реке Йобе, развалины которой сохранились до наших дней на границе современных Нигерии и Нигера. Развалины окружены большими земляными валами высотой в 20 футов. Размеры городища около двух миль в диаметре, на территории которого находился большой дворец из красного

кирпича и другие постройки. Но большая часть города была застроена домами из глины и тростника. В стенах сделано пять проходов, наиболее крупные из которых, вероятно, служили проемами для ворот. Сохранились также остатки оборонительного вала вдоль наружной части стены. Вероятно, Газаргамо был крупным африканским городом того времени.

В Мекке Али Хаджи было даровано звание халифа, которым в последующие века обладал только османский падишах. Сам термин «халиф» был своего рода почетным титулом в мусульманском мире, который присваивался наиболее заслуженным правителям, пользовавшимся «известностью как защитники ислама и шариата, покровители наук и искусств» [6]. Именно, в этом смысле, халифский титул был принят правителем Борну Али Хаджи.

Однако, не только духовные связи поддерживали правители Борну с мусульманским миром. Со странами Магриба, к середине XVI в., ставшими в большинстве своем частью Османской империи, Борну связывала интенсивная караванная торговля. За привезенные с севера Африки из османских владений товары – лошадей и оружие, в Борну рассчитывались главным об-

разом чернокожими рабами [7, с. 106-109, 111, 114, 121; 8]. Например, за одну лошадь давали 15-20 человек. Лошади высоко ценились правителями Борну, желавшими завести у себя кавалерию. Кроме рабов, важной статьёй экспорта Борну было золото, также составляли благовония, изделия из кожи – цветных панцирей черепах, гиппопотамов, шкур жирафов и леопардов, слоновую кость в обмен на огнестрельное оружие, бумагу и рабов-европейцев. В 1551 г., после завоевания османами Триполи на территории современной Ливии, возникло напряжение в отношениях османов с Борну, обеспокоенным стремлением новых хозяев средиземноморского побережья Африки распространить свою власть к югу от Сахары.

Чтобы создать противовес османскому давлению, Идрис бен Али бен Идрис или Идрис Алома, царствовавший в Борну, по одним данным 51 год, а по другим 33 года, в конце XVI в. установил тесные отношения с султаном Марокко, также видевшем для себя угрозу в османском утверждении в Алжире. Однако Идрис Алома был заинтересован в своем новом соседе – Османской империи, откуда его снабжали ружьями. В 1555 г. между Османской империей и Борну был подписан договор

о торговле и сотрудничестве. Согласно автору той эпохи, «многочисленные турки» наезжали в Борну, чтобы «сколотить себе достояние» [9, с. 28-31, 45].

К тому же, после победы султана Марокко Ахмада аль-Мансура над империей Сонгай на землях Западного «Судана» или нынешнего Мали в 1591 г., исторической наследницы государства Канку Мусы, Идрис Алома ощутил угрозу для Борну со стороны бывшего союзника. Марокканцы небезуспешно оспаривали влияние османов на страны «Черной» Африки и падение под их натиском империи Сонгай, чье могущество относится к концу XV- первой половине XVI вв., наглядное тому свидетельство. Соперничество Османской империи с султанами Марокко было обусловлено борьбой за контроль над золотодобычей и экспортом западноафриканского золота.

Со времени правителя Сонни Али, в 1463 г. взошедшего на сонгайский трон, в состав Сонгай вошли обширные территории. Сонни Али был способным, честолюбивым и жестоким человеком. Он вошел в историю как Сонни Великий, создавший сильные войско и речной военный флот. Арабский летописец Махмуд аль-Кати писал: «Он всегда был победителем». После его

смерти в 1492 г. сонгайским тронном овладел его военачальник Мухаммад Туре, взявший титул аския. Если Сонни Али был воином и создал обширную империю, то аския Мухаммад превратил Сонгай в хорошо управляемое государство. Он разделил страну на провинции, во главе которых поставил губернаторов, в основном из родственников и соратников. Были созданы центральные ведомства по делам правосудия, финансов, сельского хозяйства, введена система налогов, когда каждый город или район имел своих сборщиков податей. На все главные рынки страны были назначены инспекторы и введены единые для всего государства меры веса. Государство Сонгай расширялось за счет своих соседей, устанавливая свою власть над оазисами в глубине Сахары и над караванными путями, которые соединяли их, что способствовало расширению Сонгай до границ Марокко. Аския Мухаммад, как мусульманин, поощрял мусульман – купцов и особенно ученых. Сонгайские города Тимбукту, Дженне и Валата превратились в центры науки и религии. Известен университет в Тимбукту – один из первых в Африке, куда приезжали ученые и богословы из других стран ислама. Видавшего виды, арабского путеше-

ственника XIV в. из Марокко Ибн-Баттуту, объехавшего полмира, поразило не внешнее величие Тимбукту, а его интеллектуальный потенциал. В этом главная причина широкого распространения славы Тимбукту на мусульманском Востоке. Есть свидетельства, что в средние века университет Санкоре имел 25 тысяч учащихся. Даже если эта цифра преувеличена, число студентов было, судя по всему, таково, что могло удивить Ибн-Баттуту, знакомого со знаменитыми для того времени университетами Феса в Марокко и Каира в Египте. Пораженный экзотичностью своих «суданских» единоверцев, знаменитый путешественник составил перечень того, что ему понравилось, и что не понравилось в них. К числу добродетелей он отнес упорство в заучивании наизусть священного Корана: «Они надевают оковы на своих детей, когда становится очевидно ясным их небрежение в изучении Корана, и не снимают их до сих пор, пока те его не выучат». К числу дурных обычаев «суданцев» путешественник отнес обычай появления служанок, невольниц, маленьких девочек обнаженными, даже во время поста рамадан.

Самый ранний из найденных в Тимбукту манускриптов, которых ныне насчиты-

Ислам в странах Азии и Африки

ваются 20 тысяч в основном хранилище рукописей Центра имени Ахмада Баба в этом городе, датируется 1201 г. В период расцвета города в средние века были созданы тысячи сочинений по истории, музыке, языкознанию, этнографии, но больше всего по риторике, правоведению, медицине, толкованию Корана. В средние века в Тимбукту собирали арабские манускрипты по всей Африке и за ее пределами. И поныне у потомков улемов хранятся в Тимбукту в библиотеке Фондо Кати тысячи рукописей, в частности уникальные арабо-испанские рукописи, чей основной фонд был вывезен в средние века из испанского города Толедо в Гранаду, последний оплот мусульман в Испании, а после реконкисты христианских королей Кастилии и Арагона и изгнания мусульман из Испании – на Африканский континент.

Тимбукту тогда расширялся и перестраивал некоторые из своих очень необычных и красивых мечетей из бута и сырцового кирпича, такие как Большая или Пятничная общинная мечеть и мечеть-медресе Санкоре. Последняя и стала упомянутым выше университетом, слава о котором распространилась за пределы Сахары и «Судана». Для архитектуры обоих зданий ха-

рактерны жерди, торчащие из стен и используемые в качестве постоянных лесов, чтобы внешний слой штукатурки из глины можно было легко обновлять после проливных дождей, обычных в этой части Африки. И поныне главными достопримечательностями Тимбукту являются самые древние африканские мечети, построенные южнее Сахары – Санкоре и Джингаребер. Разработка новых месторождений золота в районе Акан, где сейчас расположены государства Гана и Кот д'Ивуар, увеличивало богатства государства Сонгай. Сонгай торговал со своими северными соседями – странами Средиземноморья, в частности Магриба, как до вхождения их в состав Османской империи, так и после, золотом, невольниками, слоновой и носорожьей костью, черным деревом, серой амброй и страусовыми перьями в обмен на изделия из меди, железа и бронзы, клинки из Испании и Германии, ткани и соль. В 1496-1497 гг. аския Мухаммад отправился в паломничество в Мекку, где пожаловал 10 тысяч золотых монет на строительство караван-сарая для паломников из Западного «Судана» и на милостыню беднякам. Во время паломничества Мухаммад Туре был официально признан в исламском мире правителем всего

Западного «Судана» – огромного региона, раскинувшегося от озера Чад до Атлантического океана. Аския Мухаммад основал государство в Тропической Африке с эффективной системой управления, опираясь на мусульманских ученых, духовных лиц и купцов. В 1528 г., ослепшего от старости аскию Мухаммада сверг с трона его сын Муса. Богатства Сонгайской империи и ее интенсивные торговые связи с Османской империей, во второй половине XVI в. овладевшей Магрибом и вышедшей на границы Марокко, вызвали поход марокканских войск во главе с Джудар-пашой на Сонгай, увенчавшийся успехом, хотя по численности марокканцы в пять раз уступали противнику. Местные жители называли марокканцев «рума» (римляне), поскольку среди них было много европейцев, выходцев из Испании и Италии, принявших ислам. Однако марокканцам не удалось добиться полного контроля над золотодобычей и экспортом драгоценных металлов. Транссахарские торговые пути стали смещаться к востоку, обогатив тем самым земли хауса и Борну. Разгромив Сонгай, марокканцы не справились с управлением его обширной территории и покинули ее, а бывшая империя разделилась на небольшие от-

дельные государства.

Разгром Сонгайской империи вызвал беспокойство властей Борну. Поэтому военное сотрудничество с османами для обеспечения безопасности Борну получило дальнейшее развитие. К этому времени войско Идриса Аломы в основном состояло из кавалерии, кони для нее доставлялись из османских владений, как и огнестрельное оружие, для обучения пользоваться которым в войска Борну были османские военные инструкторы. Таким образом, в войсках Борну появились отряды, вооруженные огнестрельным оружием, и Идрис Алома смог отразить набеги «воинов пустыни» – берберских племен Сахары – туарегов. Вероятно, наличие огнестрельного оружия у Борну, каковым не обладали войска Сонгай во время вторжения марокканцев, что и обусловило победу последних, таковым обладавших, способствовало сдерживанию экспансии марокканского султана Ахмада аль-Мансура на страны к югу от Сахары. При Идрисе Аломе государство Борну достигло наибольшей территориальной протяженности и значительной внутренней стабильности. Он сделал ислам государственной религией. До этого, несмотря на то, что сам Идрис Алома и члены его правящей

династии, знатные люди Борну давно уже были мусульманами, простой народ оставался верным своим доисламским обычаям и традициям. Идрис Алома построил в Борну множество мечетей, поощрял соотечественников совершать хадж в Мекку и построил там для них при содействии османских властей караван-сарай. Сам Идрис Алома также совершил хадж - паломничество в Мекку [10; 11; 1, с. 188-189]. В Борну стараниями Идриса Аломы было введено мусульманское законодательство, вытесняя существовавшее в местном обществе обычное право. Следили за исполнением новых законов назначенные им мусульманские судьи – кади. До нашего времени дошло историческое сочинение, написанное имамом и визиром – главой правительства Борну при Идрисе Аломе, Омаром бен Османом, тщательно изученное немецким востоковедом Генрихом Бартом, благодаря которому страницы средневековой истории Борну стали достоянием науки [1, с. 29; 12, с. 38].

В следующем столетии отношения Борну с османами носили более официальный характер, включая обмен посольствами, привозившими по традиции богатые подарки. Посольства Борну к османскому паше в Триполи всег-

да привозили черных рабов и евнухов. В Борну, Хадья и городах-государствах хауса – Кано, Кацина и Зария возникли центры, специализировавшиеся на «производстве евнухов» как специальной службы для поддержания традиции больших гаремов, которые позволяли иметь себе османские владыки разных рангов, начиная с самого падишаха. Крайне примитивные способы кастрации того времени вели к огромной смертности тех, кого подвергали операции, и поэтому цены на евнухов были очень высокие. Они ценились примерно в двенадцать раз дороже простого раба. Следовательно, евнухи входили в число «предметов роскоши» и их всегда преподносили важным лицам в качестве подарка. Обязанности евнухов не ограничивались охраной гаремов. Поскольку они не имели семейных привязанностей и менее зависели от многих житейских обстоятельств, что гарантировало их верность повелителю, евнухам иногда поручались важные дела и доверялись ответственные посты. Они нередко пользовались особым расположением своих владык и выполняли поручения, требующие полного доверия. Евнухи в этом случае становились скорее помощниками и доверенными людьми, чем слугами.

Паша Триполи, в свою очередь, должен был посылать в Борну «равноценные подарки». Одна из таких османских «посылок» привлекает особое внимание, так как кроме 200 коней она включала «15 молодых европейцев-вероотступников». Датируется это событие в 1638 г. Известен случай, когда в XVII в., правитель Борну, отправившийся в хадж в Мекку, по пути посетил Каир, также находившийся к этому времени под властью османских падишахов, и привез на рынки работорговли семь тысяч рабов. В XVII-XVIII вв. торговля рабами была весьма прибыльным делом и ей занимались многочисленные государства к югу от Сахары. Например, в 1680-1707 гг. правитель султаната Багирми в Центральном «Судане» Абдаль-Кадер часто совершал походы за живым товаром на немусульманские селения своих соседей на берегах реки Логоне.

Жертвами подобной торговли были преимущественно неисламизированные народы «Черной» Африки, так как всякий «кафир» - «неверный», независимо от происхождения и цвета кожи, мог быть продан в рабство. Данное обстоятельство также способствовало распространению ислама среди народов «Черной» Африки, поскольку «добровольно при-

нявшего» ислам, нельзя продать в рабство. Вместе с тем, следует отметить, что работорговля существовала и расцветала здесь еще до прихода османов в Северную Африку, когда арабские халифы формировали из чернокожих рабов, называвшихся «зинджи», личную гвардию, не говоря уже о еще более раннем времени – эпохах древнего Египта фараонов, финикийского Карфагена, античной Эллады и Римской империи, где расцветало рабовладение. Судя по хадисам – преданиям, собранным после смерти основателя ислама Пророка Мухаммада, упоминание о «зинджах» принадлежит ему, хотя неясно, говорил ли он об эфиопах или о чернокожих африканцах? [13, с. 212-214; 14, с. 98; 15; 16, с. 140; 17, с. 418-419]

Есть сведения об эфиопах, находившихся на военной службе в Мекке еще в эпоху зарождения ислама. Упоминание «широкоплечих негров», служивших арабскому племени курейшитов, «черных», участвовавших в арабском завоевании Египта, свидетельствует о заметной роли африканцев в создании Арабского халифата. В 869 г. «зинджи» во главе с неким Али бен Мухаммадом подняли мятеж в Багдадском халифате. Целые города, включая Басру, были разграблены, их жители ис-

Ислам в странах Азии и Африки

треблены или бежали. Войска халифа, посланные на подавление, были опрокинуты. «Зинджи» создали очаги собственного государства в Месопотамии, где арабы стали слугами и рабами чернокожих владык. Лишь через 10 лет халифу удалось сокрушить «зинджей». В начале XI в. в Египте 50 тысяч чернокожих африканцев из «Судана» служили в войске халифа аль-Мустансира, чья мать была чернокожей рабыней с острова Занзибар. В Тунисе в этом же столетии, благодаря гвардии, сформированной из чернокожих воинов, местная династия Зиридов смогла добиться независимости от Фатимидов, правивших в Египте. В Египет чернокожих африканцев привозили с юга, с верховьев Нила; они отличались крепким телосложением, высоким ростом, поразив воображение персидского путешественника, посетившего в XI в. Каир. Когда в 1169 г. знаменитый Салах-ад-Дин, известный в Европе как Саладин, самый знаменитый представитель курдского народа в мировой истории, пришедший в страну пирамид с турками-сельджуками, стал визиром Египта и решил выйти из-под власти халифа, назначенного Фатимидами, чернокожие воины восстали, чтобы его защитить. Однако халиф отказался от их

поддержки, чем и подписал себе приговор. «Зинджи» разбрелись по стране, безжалостно преследуемые победившим Саладином, которой через два года сверг халифа и объявил себя султаном Египта, став основателем правящей династии Айюбидов. Чернокожих сделали прислугой, конюхами, и только, по прошествии нескольких столетий, их опять стали в Египте брать на военную службу, но, и то, лишь в качестве нижних чинов. В Западном Йемене в XI в. стало так много эфиопских рабов, что они захватили власть, а один из них основал династию, правившую полтора века. В первых десятилетиях XVI в., уже в османскую эпоху, три тысячи эфиопских воинов из числа рабов, купленных еще молодыми людьми и прошедшими многолетнюю военную школу с обращением в ислам, служили арабскому правителю Адена. Они были ударной силой 80-тысячного ополчения этого правителя [18; 19, с. 160; 20, с. 19].

Причем, выходцы из глубин Африки служили не только арабским правителям, но и другим мусульманским владыкам. Эфиопы, называемые в Индии «хабши», волею судьбы оказались и в этой стране. В первой половине XIII в. в Делийском тюркском султанате в Индии – могущественной

державе того времени, сумевшей в течение почти века отражать нашествия монголов, ведомых первыми наследниками Чингис-хана, достиг высот власти эфиоп Малик Джамал ад-Дин Якут Хабаш, приближенный правительницы Дели – султанши Разийи из тюркской династии Шамсийя. Он стал «эмиром эмиров», главнокомандующим войсками султаната, но, вместе со своей повелительницей и возлюбленной Разийей, был свергнут и убит ее соплеменниками эмирами, выходцами из тюркских рабов, формировавшими тогда военную элиту в Индии [21, р.40-48].

Кроме упомянутого персонажа, известны в султанате Дели эфиопы, ставшие наместниками провинций. Путешественник из Марокко Ибн-Баттута, в первой половине XIV в. пересекший полуостров Индостан до Цейлона, нередко встречал африканцев среди слуг, воинов и моряков. В 1487-1493 гг. эфиопы, которых много служило в войсках правителя Бенгалии, захватили власть в этом индийском государстве. Они также сыграли решающую роль в конфликтах, раздиравших султанат Бахманидов в глубине Декана в XIV-XV вв. В эпоху Великих Моголов на западном побережье Индостана знаменитый «хабши» Малик Анбар,

когда-то купленный на рынке работорговли в Багдаде, стал визиром. Он провел ряд реформ, его сын продолжил дело отца, но был разбит императором Великих Моголов. Больше всего эфиопов было в Гуджарате к северу от Бомбея, где они занимали важные посты в войсках и военном флоте вплоть до XVIII в. [4, с. 26-36]

Османы вели работорговлю с африканскими мусульманскими государствами - империей Сонгай, султанатами - Хадья, Дауро, Ифат, длительное время существовавшими на территории Эфиопии (XIV-XIX вв.), Багирми и государствами народа хауса, расположенными к западу от Борну – Кано, Кацина, Зария, через возникший в середине XV в. к северу от земель хауса центр караванной торговли Агадес. Земли хауса были плодородны и незасушливы. Народ занимался земледелием и торговлей. Изделия хауса из металла и кожи пользовались известностью. Хауса познакомились с исламом в XIV в., накануне османской эпохи. Контакты с османами способствовали дальнейшей исламизации хауса и развитию их городов, до этого прозябавших в изоляции, когда за их крепостными стенами стали селиться иноземные купцы - выходцы из Османской империи. Мусульманские купцы

и проповедники приходили в города хауса как с запада – из Тимбукту, с востока – из Борну, лежащей на берегах озера Чад, так и с севера – из османских владений. Африканские исторические хроники сохранили списки арабских купеческих династий – поданных Османской империи, которые иногда из поколения в поколение выполняли функции османских торговых консулов в городах-государствах. Города-полисы хауса имели своих правителей – сарки, которые были мусульманами и носили мусульманские имена, хотя влияние в их среде доисламских традиционных верований оставалось значительным. У каждого сарки был гарем, что отчасти, возможно, являлось отражением османского влияния, куда свозились наложницы с подконтрольной владетелям хауса территории. От времен османской эпохи сохранились гидан-сарки, дворцы правителей хауса, представляющие по сути мини-города. Все это градостроительство было возможно за счет средств от транссахарской торговли. Особенно поднялся на транссахарской торговле город Кано, стоявший на перекрестке караванных дорог с севера на юг и с востока на запад – из североафриканских османских владений в страны «Черной» Аф-

рики. Ситуация осложнялась соперничеством между городами-государствами хауса, принимая порой характер кровавых междоусобиц, во всяком случае до начала XIX в., когда в этом регионе вождем народа фульбе Усманом дан Фодио, шейхом и знатоком Корана, был создан халифат Сокото, подчинивший своей власти хауса, где его основателем были проведены реформы, получившие в истории название «джихад фульбе». Земля, принадлежавшая ранее племенам и родам, в халифате Сокото стала собственностью его правителя или государства, а по мусульманской терминологии должна быть «божьей» и распределяться по справедливости, при этом нормы мусульманского права – шариата, введенные Усманом дан Фодио, создали то, что можно назвать единым правовым пространством и выразилось это, прежде всего, в категоризации и распределении земли. На пограничных территориях были основаны рабаты – поселения, жители которых совмещали земледелие с военным ремеслом. Распределение пустующих земель было прерогативой правителя Сокото. Привилегии предоставлялись «правоверным» – мусульманам, а иноверцы были объявлены «зимми», т.е., «под покровительством». Им от-

водились менее плодородные участки. Все, кто обрабатывал земли, имели на нее право собственности, а присвоение чужой земли считалось тяжким преступлением. Подобное устройство имеет параллели и аналоги с принятой в Османской империи системой аграрных отношений, что, возможно, объясняется ее влиянием. Интересно, что упомянутые средневековые города и сегодня являются не только памятниками истории, но живыми функционирующими организациями. Сохранились не только дворцы - гидан-сарки, но и правители сарки, наряду с губернаторами, назначаемыми центральной властью современной Нигерии, под управлением которой ныне Кано, Зария, Сокото. В первых двух городах – эмиры, в Сокото – султан, который также является халифом всех мусульман Нигерии. В наши дни более 80% народа хауса и большинство фульбе – мусульмане.

Свидетельством культурного влияния ислама на хауса может служить восприятие ими арабского письма, которым они пользовались до конца XIX в. Лев Африканский посетил Агадес в 1526 г. и под впечатлением увиденного назвал его «совершенно новым городом» [22, с. 26-36]. Но, не только работоторговля, продажа коней и оружия, золота

и благовоний, слоновой кости и изделий из кожи, направление османских военных специалистов характеризовали взаимоотношения османов с африканцами. Из Османской империи, через Египет и Йемен попала в Центральную и Восточную Африку, как и в Западную Европу, новая сельскохозяйственная культура – кукуруза, завезенная из Нового Света [23, с. 129; 16, с. 140].

Страны «Черной» Африки к югу от Сахары – Сонгай и Борну, Кано, Кацина, Зария, Сокото, а также у побережья Красного моря - Багирми, Хадья, Дауро, Ифат, чья знать приняла ислам, стали в большей или меньшей степени частью мусульманского мира, духовным главой которого – халифом был с XVI в. османских падишах. Это давало им определенные преимущества. Во-первых, мусульманские страны севера Африки, ставшие частью Османской империи – Алжир, Тунис, Триполитания (Ливия), Египет, Судан, а также Марокко, отстаивавшее свою независимость в сражениях с османами, вели активную караванную торговлю с «Черной» Африкой на основе дружбы и взаимной помощи, благосклонно относились к своим чернокожим единоверцам, хотя это и не исключало войн с ними. Во-вторых,

Ислам в странах Азии и Африки

ислам объединял население каждого из государств к югу от Сахары и на землях, прилегающих к африканскому побережью Красного моря. Хотя широкие слои населения этих африканских стран сохраняли свои доисламские традиции и не были глубоко затронуты верой Пророка Мухаммада, но их правители и знать были мусульманами, что создавало в африканских обществах связи гораздо более прочные, чем можно было бы обеспечить силой или террором. Принятие ислама защищало новообращенных мусульман от рабства. Ислам оказался африканцам ближе, чем христианство, поскольку он возник в племенном обществе и воспринял его структуру, которая свойственна также и традиционному африканскому обществу. Данные обстоятельства создали в османскую эпоху определенные условия для развития государственности у народов «Черной» Африки к югу от Сахары [24, р. 75]. Благодаря исламу, на берегах Чада и к западу от него были созданы в лице Сонгай и Борну одни из ранних центров цивилизации во внутренней Африке. Принятие этой мировой религии способствовало образованию упомянутых централизованных государств, которые временами достигали громадных размеров, неоднократно пре-

дотвращало внутренний раскол в отдельных племенах и способствовало разнообразнейшим передвижениям и смешениям различных элементов населения [16с. 139, 146-147; 25, с. 57-58].

Вместе с тем, известно о походах османов в глубь Сахары: в 1788 г. триполитанский паша направлял войска против народа туба (тиббу, тубу), обитавшего у озера Чад. В 1808 г. турки разрушили оазис Куфра и большинство туба покинули навсегда родные места. Остались лишь 150 человек из них, те, кто приняли ислам. Возможно, османское влияние сыграло свою роль в том, что ныне народ туба исповедует ислам. В 1821 г. мусульманское княжество Фудж в Нубии было поглощено Османской империей [16, с. 139; 146-147; 26, с. 57-58]. В 1900 г. османы проникли в нагорье Тибести, где поставили своего наместника. Отношения османов с государствами к югу от Сахары осложнялись также откочевкой из османских владений их подданных - арабских и берберских племен, как это случилось в 1842 г., когда после победы османов в битве при Эль-Багле над арабским племенем улед-слиманов, в давние времена пришедших из Аравии и осевших на севере Ливии, последние ушли в пределы владений Борну,

где кочевали между озером Чад и нагорьем Тибести. Султан Борну взял их на службу и выплачивал им жалованье, чтобы улед-слиманы охраняли восточные границы Борну от набегов соседних племен [13, с. 206].

Западноевропейцы, посетившие Борну в первой половине XIX в., еще застали остатки его бывшего средневекового величия, когда Г. Барт дает яркое описание пышных церемоний – красочного парада, всадников в ярких традиционных одеждах, на полном скаку размахивающих клинками и копьями.

Немало чернокожих африканцев находилось в XVI–XVIII вв. на османской военной службе и при дворе османских падишахов. Многие из них были захвачены в детском возрасте в плен работорговцами и проданы османам на невольничьих рынках. Османы отбирали этих детей согласно физическим данным и характеру. Лучших, а также детей из знатных семей, отправляли во дворцы Галаты, Эдирне и Манисы как дворцовую прислугу. Их обучали в специальных школах – «аджеми-огланы» (буквально – «чужеземные мальчишки». – Авт.) [23, с. 164], обратив в ислам, где самые способные из вчерашних рабов изучали Коран и законы ислама, араб-

скую, османскую, персидскую литературу и языки, математику, каллиграфию, музыку. Школы были учреждены при султанском дворце, где проходила подготовка мальчиков и юношей к вступлению в пешую гвардию османских падишахов – корпус янычар и ряд других подразделений придворных слуг и войск, состоящих на государственном жалованье. Юных воспитанников в течение от двух до восьми лет обучали и военному делу: владению холодным и огнестрельным оружием, метанию копья, искусству боя, верховой езде. Счет их шел на десятки тысяч, они были воинами, чиновниками, прислугой, евнухами. Много их было в качестве домашней прислуги. В североафриканских владениях османов чернокожие африканки, например, имели репутацию отличных кухарок. Но особенно присутствие выходцев из «Черной» Африки стало заметно в первой четверти XVIII в. в войсках османов. В то время из более полумиллионной османской армии пятую часть (103 тысячи) составляли чернокожие и другие африканцы. Выше уже упоминалось об эфиопах-абиссинцах на османской службе.

В 1587 г. чернокожий африканец Хабешу Мехмет ага, именуемый по должности Кизлар-агаси, стал команди-

ром дворцовой охраны османского султана Мустафы II, вооруженных алебардами. Ему подчинялись многие высокопоставленные лица османского двора, среди них даже казначей, поскольку в ведении Хабешы Мехмета находилась личная казна османского падишаха и управление его вакфами, т.е. собственностью государя. Кизлар агаши возглавлял «черных евнухов», каковым он являлся и сам, служивших падишаху в его «святая святых» - гареме, т.е. по сути, был главой гарема и играл важную роль в подборе жен и наложниц для повелителя османов. Следует отметить спрос на темнокожих наложниц в Османской империи, где больше всего ценились за красоту эфиопки. Хабешы Мехмет ага был также попечителем мечетей и других богоугодных заведений Мекки и Медины, удостоившись права и чести говорить с падишахом в любое время дня и ночи. В официальном табеле о рангах Османской империи Кизлар-ага («Господин девушек») – главный евнух его Величества следовал сразу за великим визирем - главой правительства империи. Но очень часто, как это было и в случае с Хабешы Мехметом, Кизлар-ага был самым влиятельным человеком в государстве после падишаха, даже более значимым, чем ве-

ликий визирь. О Хабешы-Мехмете, как о влиятельном лице при османском дворе, сообщал посол русского царя Петра Великого в Стамбуле П. А. Толстой: «Есть... Кизлар ага черной скопец, тот суть ближней салтанский (султанский.-Авт) человек, и милость салтанскую великую на себе носит...» Судьба вельможи была трагична. В результате бунта янычар в 1703 г. «салтана Мустафу посадили за караул (т.е. арестовали. - Авт.), а на его место обрали салтантом брата его родного Агмет салтана (имеется в виду султан Ахмед III (1703-1730) – Авт.)» [27] В числе ближайших к свергнутому султану придворных, попавших в опалу к новому государю османов, оказался и наш герой Хабешы Мехмет ага.

Позднее о роли африканских евнухов при османском дворе писал знаменитый французский писатель Жерар де Нерваль, посетивший Стамбул: «Пока мы прохаживались... показался величественного вида мужчина; он был смуглым, как мулат, в прекрасном турецком костюме... в таком, какой носили в старину... он остановился; тот (спутник писателя.-Авт.) приветствовал его с большим почтением. Мой друг сказал, что этот человек – важная персона и что, когда он будет уходить, ему нужно будет сделать це-

ремонтный «салам алейкум»: приложить руки к груди, потом к губам. Я так и сделал, в ответ мулат изящно поклонился. «Кто это?» - спросил я. «Это Кизлар-ага», - ответили мне с чувством восхищения, к которому примешивался страх. Я все понял: Кизлар-ага – главный евнух сераля, самый влиятельный человек после султана, даже более грозный, чем первый визирь» [27, с. 74-75].

Интересно, что чернокожий «арап» Петра Великого, русского царя, прадед великого русского поэта А. С. Пушкина Абрам (Ибрагим) Ганнибал в детстве был захвачен в рабство на далекой африканской родине к югу от Сахары у реки Логоне и попал в сераль османского падишаха Ахмеда III, откуда в 1704 г. был вместе с двумя другими маленькими чернокожими африканцами тайно перекуплен русским купцом Саввой Владиславичем-Рагузинским и переправлен в Россию, где со временем стал соратником царя Петра и дослужился до высокого звания генерал-аншефа русской армии [26, с. 149].

В Марокко выходцы из «Черной» Африки начали служить еще в IX в. в эпоху Альморавидов. Позднее, в 1541 г. они хорошо проявили себя при штурме марокканцами Агадира, защищаемого порту-

гальцами, где «сражались как дьяволы, а не как люди», по признанию оборонявшихся. С конца XVI в. чернокожие африканцы стали активно привлекаться на службу при дворе и в войска противником османов – вышеупомянутым султаном Марокко Ахмадом аль-Мансуром, (прозванным «аз-Зехеби» - «Золотым») который первым стал использовать черных рабов – «абидов» для формирования личной гвардии. После своей знаменитой победы над войсками империи Сонгай его добычей стали 40 верблюдов, груженных золотом, и 1200 чернокожих пленных. Один из пленных, знаток мусульманского права Ахмад Баба, о котором уже упоминалось выше, именем ислама воззвал к Ахмаду аль-Мансуру и был вместе с другими пленными мусульманами освобожден. Многие из освобожденных поступили к марокканскому султану на службу. Позже чернокожие абиды образовали костяк 150-тысячного марокканского войска, созданного султаном Мулаем Исмаилом (1672 – 1727 гг. правления) – вторым представителем династии Алауитов, правящей в Марокко и поныне. Он стал примером беспрецедентного успеха, когда в течение полувека земли Марокко были объединены в централизованное государ-

ство, невзирая на происки, как внешних врагов – Османской империи, португальцев и испанцев, так и внутренних – вождей непокорных племен в горах Среднего и Высокого Атласа. Поэтому Марокко, кстати, единственная страна в Магрибе, устоявшая под натиском османского нашествия [28, р. 25; 29, р. 1-12]. Мулай Исмаил провел военную реформу, создав в лице гвардии абидов профессиональную армию. Главным отличием гвардии абидов (от арабского абд – раб) от мамлюков и гулямов в других мусульманских странах было формирование ее не из купленных за пределами Марокко рабов, а из местных этнокультурных элементов – рабов, живших на протяжении одного или нескольких поколений среди марокканских племен, а также из «харатин» - чернокожего населения присахарских оазисов Марокко, говорившего на диалектах арабского языка и берберских наречиях, и исповедовавшего ислам. Абиды приняли участие в ведении джихада – священной войны Мулай Исмаила против испанских гарнизонов в портах Ларраш и Сеута [30, с. 254-256].

Само название гвардейского корпуса султанов Марокко – абид-ал-Бухари – отражает религиозный аспект политики Мулай Исмаила: мусульман-

ская гвардия, дававшая присягу на собрании хадисов ал-Бухари (Сахих ал-Бухари или ал-Джами ас-Сахих) и связанная узами личной преданности султану, должна была способствовать объединению Марокканского государства и удержанию под его контролем отдаленных территорий страны. С помощью гвардии абидов султан смог подавить восстания непокорных центральной власти арабских и берберских племен даже в таких труднодоступных районах Марокко, как горы Среднего и Высокого Атласа. Мулай Исмаил последовательно окружал земли непокорных племен системой крепостей, где размещал гарнизоны абидов. Мулай Исмаил провел в военных экспедициях большую часть своей жизни, постоянно перемещаясь с места на место, тем самым обеспечив контроль над ситуацией в стране. В результате атласских кампаний Мулай Исмаила, длившихся более десяти лет (1682-1693 гг.), сопротивление племен было подорвано на многие годы вперед, что способствовало укреплению Марокканского государства перед нарастающей угрозой со стороны Османской, Испанской и Португальской империй. И в этом заслуги абидов трудно переоценить [31, с. 284-286].

К османскому времени, к

XV-XVI вв., относится широкая исламизация Коморских островов в северо-западной части Индийского океана у берегов Африки, хотя эти территории не входили в состав Османской империи. На Коморах еще в раннем средневековье появились арабы – миссионеры ислама, пик переселения которых приходится на X в., укоренившихся здесь и принявших участие в этногенезе коморского народа, где весома арабская струя. И сегодня арабский язык является государственным на Коморских островах. Поэтому новая волна исламизации Коморских островов в османскую эпоху, миссионерами которой вновь были арабы - подданные Османской империи - самой могущественной мусульманской державы того времени, имела необратимый характер.

Мадагаскар, куда арабы принесли ислам еще в X в., после того, как на этот остров 10 августа 1500 г. случайно «наткнулись» португальские мореплаватели, стал в начале османской эпохи в XVI в. ареной борьбы португальцев и арабов, за которыми стояла Османская империя. В ходе этой борьбы арабы были вытеснены из Мадагаскара, но и португальцам не удалось закрепиться на острове. Однако, в отличие от португальцев, арабы оставили заметный след

в культуре малагасийцев – коренного населения Мадагаскара, что отразилось в создании знаменитых исторических хроник «сурабе», называемых «Великие письмена» в переводе с малагасийского языка и навеянных местными мифами и легендами, астрологической системы «Винтана», лунного календаря, мер весов, торговой терминологии, в приемах гадания – «сикиди», в названиях месяцев и дней недели, широком распространении среди малагасийцев обряда обрезания, принятом у мусульман и иудеев, хотя число иудеев на Мадагаскаре незначительно, а мусульман сравнительно немного. Арабские купцы принесли на остров передовые по тому времени достижения, прежде всего, традиции изготовления бумаги и книг, а также арабскую письменность, которую малагасийцы использовали до начала XX в. Возможно, в определенной степени наследием раннего периода османской эпохи является наличие на современном Мадагаскаре, как немногочисленной арабской общины в 5 тысяч человек, так и малагасийских приверженцев ислама, который среди жителей острова исповедуют 5% населения.

Таким образом, традиция взаимоотношений Турция, прямой наследницы Ос-

манской империи, с народами стран «Черной» Африки к югу от Сахары насчитывает почти полтысячелетия. Эти связи важны тем, что имели конкретный характер в виде оживленных торговых контактов, а также османской помощи и поддержки – политической, военной, экономической, культурной в эпоху могущества Османской империи, что, конечно, не могло не оставить следа в исторической памяти народов «Черной» Африки, тем более, эти контакты имели непосредственное отношение к героическим и трагическим событиям их истории в течение

многих веков и не всегда были однозначными. История взаимоотношений османов и народов «Черной» Африки знала и периоды конфронтации, омрачена работорговлей. Значение Османской империи и османов в истории «Черной» Африки этим не исчерпывается, поскольку именно в османскую эпоху исламизация многих ее народов, причем, не только к югу от Сахары, но и Коморских островов с африканским побережьем Красного моря, прилегающим к Индийскому океану, в меньшей степени Мадагаскара, принимает необратимый характер.

Литература:

1. Вульф А. Краткая история мира : история человечества с древнейших времен до наших дней / Алекс Вульф ; [пер. с англ. Ю. В. Крижевской]. – М. : АСТ : Астрель, 2010. - 304 с.
2. Вольпе М. Средневековая Эфиопия глазами португальского иезуита // Восточная коллекция. 2009, № 4. С. 10-16.
3. Иванов Н. А. Османское завоевание арабских стран, 1516-1574 / Н.А. Иванов; Рос. акад. наук. Ин-т востоковедения. - М. : Вост. лит., 2001. - 286 с.
4. Учок Б. Женщины-правительницы в мусульманских государствах : [Пер. с тур.] / Бахрие Учок; [Авт. послесл. М. С. Мейер]. - М. : Наука, 1982. - 175 с.
5. Арабские источники XIII-XIV вв. по этнографии и истории Африки южнее Сахары. Том 4 / Пер. с араб. В.В. Матвеева, Л.Е. Куббеля, М.А. Толмачевой. М., 2002.
6. Головизнин М. В. Изобильные города Тимбукту и Дженне // Восточная коллекция, 2007, № 2. С. 106–122.
7. Куббель Л. Е. «Страна золота» - века, культуры, государства : [Зап. Африка] / Л. Е. Куббель; АН СССР, Ин-т востоковедения. - 2-е изд., перераб. и доп. - М. : Наука, 1990. - 237 с.
8. Рено Ф. Африканские рабы в далеком и недавнем прошлом : [Пер. с фр.] / Франсуа Рено, Серж Даже; [Авт. послесл.

и коммент. М. Б. Горнунг]; АН СССР, Ин-т востоковедения. - М. : Наука, 1991. - 212 с.

9. Куббель Л. Е. Сонгайская держава : Опыт исследования соц.-полит. строя / АН СССР. Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. - М. : Наука, 1974. - 430 с.

10. Суданские хроники. М., 1984.

11. Даркевич В. П. Аргонавты Средневековья / В. П. Даркевич ; АН СССР. - М. : Наука, 1976. - 200 с.

12. Нахтигаль Г. Сахара и Судан : результаты шестилетнего путешествия в Африке : [Пер. с нем.] / Г. Нахтигаль; [авт. предисл. Л. Е. Куббель]. - М. : Наука, 1987. - 302 с.

13. Ковальска-Левицка А. Мавритания : [Пер. с польского] / Анна Ковальска-Левицка; [Авт. послесл. Л. Е. Куббель]. - М. : Наука, 1981. - 303 с.

14. История, социология, культура народов Африки : Статьи польск. ученых / Отв. ред. Л. Е. Куббель. - М. : Наука, 1974. - 429 с.

15. Головизнин М. В. Султаны-философы на троне Сокото // Восточная коллекция. 2010. № 4. С. 136-150.

16. Всемирная история. Том 3. Мир в раннее Новое время. М.: Наука, 2013. — 889 с.

17. Reisen und Entdeckungen in Nord- und Central-Afrika in den Jahren 1849 bis 1855. Bd. 1 / von Heinrich Barth. - Gotha : Perthes, 1859.

18. Николь Д. Мир ислама / Дэвид Николь ; [пер. с англ. Н. С. Соколовой]. - М. : Мир кн., 2007. - 191 с.

19. Lewis B. Race and Colour. L., 1970.

20. Cuoq J. L islam en Éthiopie, des origines au XVIIe siècle. Paris, Nouvelles Éditions Latines, 1981, 287 p.

21. Encyclopaedia de l islam. Т. 3, H-Iram. Leiden ; New York : E.J. Brill ; Paris : G.P. Maisonneuve et Larose, 1971, p.746.

22. Полькен К. В плену Сахары : Великая пустыня в зеркале тысячелетий / Пер. с нем. Е. Л. Шохиной ; Под ред. и с примеч. Л. Е. Куббеля. - М. : Наука, 1973. - 286 с.

23. Click Thomas F. Comment on paper by Watson at the Thirty-third Annual Meeting of the Economic History Assosiation. The Journal of Economic History. 1974, № 1.

24. Шинни М. Древние африканские государства : [перевод с английского] / М. Шинни. - Москва : Наука, 1982. - 95 с.

25. Толстой П. А. Русский посол в Стамбуле : П. А. Толстой и его описание Осман. империи нач. XVIII в. / [Сост., авт. вступ. ст., с. 5-36, и примеч. М. Р. Арунова, С. Ф. Орешкова].

- М. : Наука, 1985. - 161 с.

26. Казиев Ш. М. Повседневная жизнь восточного гарема. – М.: Молодая гвардия, 2006. - 265 с.

27. Archeologia, Juillet-Août 1970, № 35.

28. Delafosse M. Les debuts des troupes noires au Maroc. Hesperis, 1923, t.III, pp. 1–12.

29. Илюточкина Д. В. Невольничье войско марокканских султанов (XVII-XVIII вв.): проблемы религиозно-юридического статуса // Ломоносовские чтения. Востоковедение: Тезисы докладов научной конференции (Москва, 17 апреля 2017 г.) / Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Институт стран Азии и Африки; [отв. редактор В. Е. Смирнов] / Под ред. В. Е. Смирнов. — М.: Тезаурус, 2017. С. 254–256.

30. Илюточкина Д. В. Эволюция племенной политики марокканского султана Мулай Исмаила (1672-1727 гг.) // Ломоносовские чтения. Востоковедение : Тезисы докладов научной конференции (Москва, 18 апреля 2016 г.) / Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Институт стран Азии и Африки ; [отв. редактор В. Е. Смирнов]. - М. : Тезаурус, 2016. С. 284-286.